

In the author's view economic ties may serve as one of the criteria for distinguishing the economic-geographical regions in this area (cultural-historical unities are not taken up in the present article). The nature of the non-Greek peoples surrounding the Greek cities also remains a most important criterion. Adopting these criteria, the author proposes to distinguish the following economic-geographical zones in the Black Sea coastal area, valid for the period from the fifth to the first centuries B. C.: (1) the Southwestern Black Sea coastal region, including Apollonia, Mesembria and Odessus; (2) the Northwestern region: Callatis, Tomis, Histria, Tyras, Olbia and the territories surrounding these cities; (3) the Tauric region, with Chersonesus as its leading city, a region embracing the most part of the Crimea up to the Kerch peninsula; (4) the Northeastern or Bosporan region, comprising the cities of the Bosporan state and including the extensive territories of the northern and eastern coasts of the Sea of Azov, the Kuban district and the North Caucasus shore of the Black Sea up to the Gagrian range of the Great Caucasus; (5) the Colchidian or Transcaucasian region, including Dioscurias and Phasis, and extending southward from the Gagrian range probably as far as Trapezus; (6) the Southeastern region: Sinope and Amisus; (7) the western part of the southern Black Sea coast, with its centre at Heraclea Pontica; and (8) the region of the Black Sea Straits, which strongly influenced the economy of the whole Black Sea area.

These are preliminary conclusions, subject to further documentation and more precise formulation.

## МАТЕРИНСКИЙ РОД У САРМАТОВ

Статья Б. Н. Гракова, опубликованная 22 года назад на страницах «Вестника древней истории»<sup>1</sup>, сыграла важную роль в изучении сарматской культуры. Предложенная в ней четырехчленная периодизация этой культуры с незначительными модификациями принята всеми без исключения исследователями. Однако второй вопрос, поднятый в статье, — о сарматской гинеократии — до сих пор остается дискуссионным.

По мнению Б. Н. Гракова, данные письменных источников об особом положении сарматских (савроматских) женщин находят подтверждение в археологическом материале, и это позволяет говорить об их достоверности. Многие исследователи солидаризовались с его взглядами<sup>2</sup>, у других они вызвали возражения<sup>3</sup>. При этом на саму дискуссию отрицательным образом влияли и влияют два момента. Во-первых, в ней недостаточно учитываются современные точки зрения на проблему материнского рода. В результате и сторонники, и противники существования сарматской гинеократии иногда основывают свои аргументы на устаревших положениях, никем из этнографов теперь не разделяемых. Во-вторых, имеет место заметная терминологи-

<sup>1</sup> Б. Н. Граков, *Гинеократия* (Пережитки матриархата у сарматов), ВДИ, 1947, № 3.

<sup>2</sup> С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, М., 1948, стр. 325—331; И. В. Силицын, *Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.)*, МИА, № 60, 1959, стр. 198; В. Б. Виноградов, *Сарматы Северо-Восточного Кавказа*, Грозный, 1963, стр. 96; К. Ф. Смирнов, *Савроматы*, М., 1964.

<sup>3</sup> В. П. Широв, *Калиновский курганный могильник*, МИА, № 60, 1959, стр. 430—432; И. П. Берхин-Засецкая, Л. Я. Маловицкая, *Богатое савроматское погребение в Астраханской области*, СА, 1965, № 3, стр. 143, 153; А. П. Смирнов, *К вопросу о матриархате у сарматов*. Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии, М., 1966, стр. 84—85; он же, *Скифы*, М., 1966, стр. 85—88.

ческая неопределенность: одни и те же термины — матриархат, пережитки матриархата, материнский род, матрилинейность и другие — различными авторами употребляются далеко не однозначно. Поэтому прежде чем перейти к вопросу о положении женщин в сарматском обществе, представляется целесообразным напомнить некоторые общие положения о материнском роде, принятые сейчас историками первобытного общества.

Не касаясь вопроса о соотношении материнского и отцовского рода на ранних этапах первобытной истории, достаточно дискуссионного и не имеющего прямого отношения к теме, отмечу, что разложение первобытного общества далеко не обязательно означало распад материнского рода и возникновение на его месте патриархального.

Из этнографии и древней истории известно много обществ, в которых материнский род сохранялся на протяжении всей или большей части эпохи классового образования, а патриархальные черты получали преобладание лишь ко времени становления классового общества или даже еще позднее и принимали специфическую форму отцовско-правовых норм, связанных только с порядком наследования, юридическим положением женщины и т. д.<sup>4-5</sup>. Достаточно напомнить раннеклассовые общества ашанти, туарегов, минанкабау, малайцев; наядов с их довольно развитой феодальной структурой и т. д. Вряд ли только «пережитками» можно объяснить и матрилинейный порядок наследования, сохранявшийся в знатных родах и семьях египтян, хеттов, ликийцев и этрусков.

Патриархальный род и позднематеринский род являются, таким образом, параллельно существующими формами распада первобытнообщинных отношений. Для позднематеринских обществ в основном характерны те же явления, что и для патриархальных: развитие частной собственности, экономическое обособление отдельных семей, зарождение эксплуатации. Различия второстепенны и проявляются больше всего в семейно-брачной сфере и наследовании имущества, но именно они определяют специфические черты позднематеринских обществ.

Таковыми специфическими чертами являются: матрилинейность счета родства, порядка наследования имущества и социального статуса, матрилокальность (авункулокальность) или дислокальность брачной резиденции при постепенно развивающейся патрилокальности, сохранение парного брака или его многочисленных пережитков, важная роль женского труда в хозяйстве (но не всегда), высокое (но отнюдь не доминирующее) положение женщины в обществе.

Решающая роль в обществе, вопреки распространенному мнению, принадлежит мужчинам. Именно они чаще всего возглавляют большие семьи, строящиеся по матрилинейному принципу, а тем более роды и общины. Женщины могут участвовать в выборах или влиять на их исход, но сохраняют скорее моральный авторитет, чем реальную власть. Однако положение женщин в позднематеринских обществах редко бывает принижено, и в немалой степени это связано с сохраняющейся матрилинейностью и ее последствиями.

Все перечисленные черты характерны для большинства позднематеринских обществ. Разумеется, в некоторых из них, наряду с общими чертами, могут наблюдаться те или иные отклонения и особенности.

Нет никаких сомнений в том, что сарматское общество даже на его раннем савроматском этапе уже вступило в эпоху развитого классового образования. Именно это не всегда учитывается исследователями, когда они пишут о положении сарматских женщин. И те, кто признает наличие «матриархата» у сарматов, и те, кто это отрицает, редко молчаливо исходят из традиционных представлений о положении и роли женщин

<sup>4-5</sup> См. об этом Толстов, ук. соч., стр. 329 сл.; Ю. И. Семенов, О периодизации первобытной истории, СЭ, 1965, № 5, стр. 80, 92; А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. А. Алексеев. История первобытного общества, М., 1968, стр. 177—180; Н. А. Бутин, Первобытнообщинный строй. (Основные этапы и локальные варианты), в сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. I, М., 1968, стр. 138 сл.



на ранних этапах первобытной истории, хотя речь идет уже об ее заключительных этапах<sup>6</sup>. Все это, разумеется, затемняет и искажает существо спора.

Уже позиция самого Б. Н. Гракова была не вполне последовательной. В заглавии своей статьи он пишет о пережитках матриархата у сарматов, в тексте — о пережитках материнского рода, далее о том, что у сарматов «счет родства явно шел по материнской линии» и что «вполне материнский род здесь явно налицо»<sup>7</sup>. Очевидно, что одно дело материнский род, другое — его пережитки. Весь текст статьи, однако, убеждает, что ее автор склоняется именно к признанию материнского рода у сарматов, хотя и не всегда четко отличает такой поздний материнский род от раннего.

Другие исследователи, разделявшие точку зрения Б. Н. Гракова, в основном повторяли и его терминологию, говоря о «матриархате» у сарматов или о его пережитках. Более осторожную позицию занял К. Ф. Смирнов. Приведя новый материал в поддержку мнения Б. Н. Гракова и полемизируя с его противниками, он, в конце концов, заявляет: «Я считаю, что при современном состоянии источников об общественном строе савроматов вопрос о том, был ли у савроматов развитой матриархат или сохранялись лишь его сильные пережитки, остается открытым»<sup>8</sup>. Вероятно, именно неточность терминологии, в частности неправомерно широкое употребление термина «матриархат», заставили К. Ф. Смирнова сделать эту оговорку, несколько противоречащую всему контексту его интересного исследования. Именно такое понимание «матриархата» привело И. П. Засецкую и Л. Я. Маливицкую к отрицанию его наличия у сарматов хотя бы в виде пережитков. По их мнению, решающим доводом является открытие богатых савроматских погребений, свидетельствующих об имущественной дифференциации в обществе<sup>9</sup>. Тот факт, что и имущественное неравенство и социальная дифференциация вполне совместимы с позднематеринским родом, очевидно, остался им неизвестным.

Однако если у Б. Н. Гракова и сторонников его точки зрения неточность терминологии затемняет, но не искажает до неузнаваемости конечных выводов, то с ее противниками она иногда играет куда более коварную роль, и поэтому даже не всегда можно быть уверенным в правильном понимании их позиции. Так, А. П. Смирнов отрицает наличие матриархата у савроматов на том основании, что «матриархат, как определенная стадия в развитии человеческого общества, связан с началом родового строя, периодом, характеризуемым низким уровнем развития производительных сил, равенством всех членов рода, большой ролью женщины в хозяйственной и общественной жизни, счетом родства по линии матери, что является важнейшим признаком», в то время как у сарматов уже существовал институт военной демократии<sup>10</sup>. Принципиально против этого не приходится возражать, поскольку ясно, что под матриархатом понимаются в данном случае ранние этапы родового строя. В другой работе исследователь признает, что «савроматское общество имеет еще много архаических черт, и основными из них являются: легкость заключения и расторжения брака, выбор мужа девушкой, приход мужа в род жены со своим имуществом (т. е. матриликальность брачного поселения. — А. Х.)»<sup>11</sup>.

Все дело в том, однако, что матриликальность — характерный признак именно материнского рода вообще и позднематеринского в частности. Случаи матриликального

<sup>6</sup> Перечисленные выше особенности позднематеринских обществ показывают неприменимость к ним термина «матриархат», т. е. «господство женщин». Но, как свидетельствуют данные этнографии, этот термин неприемлем и для раннематеринских обществ, поскольку и в них не наблюдается общественного господства женщин, — см. А. Л. Монгайт и А. И. Першиц, Некоторые вопросы первобытной истории в советской литературе послевоенных лет, ВИ, 1955, № 1, стр. 137. Поэтому этот идущий еще от Бахофена термин постепенно выходит из употребления и его место занимают более точные — «ранний материнский род» и «поздний материнский род».

<sup>7</sup> Граков, ук. соч., стр. 106 и 119.

<sup>8</sup> Смирнов, ук. соч., стр. 205.

<sup>9</sup> Берхин-Засецкая, Маливицкая, ук. соч., стр. 143.

<sup>10</sup> А. П. Смирнов, К вопросу о матриархате у савроматов, стр. 84; он же, Скифы, стр. 85.

<sup>11</sup> Смирнов, Скифы, стр. 85.



брака в патрилинейных обществах крайне редки и обычно являются вторичными — например, приемачество и сходные с ним формы брака, никогда не бывшие господствующими, — или представляют особые, своеобразные формы перехода от материнско-родовых отношений к патриархальным. В результате остается не совсем ясным: отрицая у савроматов матриархат, признает ли А. П. Смирнов наличие у них позднематеринского рода или же, по его мнению, у савроматов имели место патриархально-родовые отношения?

Существование различных точек зрения на проблему сарматского «матриархата» заставляет еще раз взвесить, на этот раз под этнографическим углом зрения, имеются ли достаточные основания для определения сарматского (савроматского) общества как матрилинейного.

Подробный анализ соответствующих письменных источников, проделанный М. И. Ростовцевым<sup>12</sup> и Б. Н. Граковым<sup>13</sup>, позволяет непосредственно перейти к выводам, следующим из этих источников. Из сообщений греческих авторов явствует, что савроматские женщины: 1) участвовали в военных действиях (Ps.-Hippocr., 24; Herod., IV, 116—117); 2) отправляли какие-то жертвоприношения, судя по не вполне ясному сообщению Псевдо-Гиппократа (24); 3) активно участвовали в общественной жизни, занимали высокое положение в обществе (Ps.-Scyl., § 70; Eph. ap. Nic. Damasc., fr. 16 Dind.), иногда даже возглавляли целые племена (Polien., Strateg. VIII, 55, 56; Diod., IV, 45). Переданная Геродотом (IV, 110—116) легенда о происхождении савроматов недвусмысленно намекает на матрилокальность брачного поселения у них, а быть может, и на матрилинейность их общества (скифские юноши уходят на местожительство к своим женам. При этом амазонки констатируют: «мы отняли у вас отцов»).

Таким образом, античная традиция не содержит прямых указаний на наличие у савроматов материнского рода, и вряд ли можно от нее этого требовать, если учесть, что и в современной этнографии воззрения на него меняются от одного поколения ученых к другому<sup>14</sup>, однако эта традиция делает слишком явный акцент на особое положение савроматских женщин, чтобы ее можно было игнорировать. При всех возможных преувеличениях и гиперболизациях остается фактом, что подобные сведения относятся только к савроматам, в то время как о скифских женщинах та же традиция сообщает прямо противоположное. Достоверность же ее находит свое прямое подтверждение в археологическом материале, к анализу которого я теперь перехожу.

1. Активное участие сарматских женщин в военных действиях. Отдельные погребения вооруженных женщин встречаются в степях Восточной Европы от скифского времени до золотоордынского, но нельзя согласиться с В. П. Шиловым, отрицающим на этом основании особое положение женщин у савроматов<sup>15</sup>. Сильный контраргумент привел К. Ф. Смирнов. В то время как во всех археологических культурах, за исключением савроматской, погребения вооруженных женщин единичны, в этой последней они составляют не менее 20% от всех могил с оружием<sup>16</sup>.

Обильный археологический материал позволяет не только констатировать факт участия сарматских женщин в войнах, но и конкретизировать его. Наибольшее количество женских погребений с оружием относится к савроматскому времени (VI—IV вв. до н. э.), но и в прохоровское (IV—II вв. до н. э.) они достаточно часты. Пре-

<sup>12</sup> М. И. Ростовцев, Амага и Тиргатао, ЗООИД, XXXII, Одесса, 1915; он же, Скифия и Боспор, Пг., 1925, стр. 110 сл.

<sup>13</sup> Граков, ук. соч., стр. 100 сл.

<sup>14</sup> Этнографы XIX в., например, при определении материнского рода не учитывали столь важного признака, как локальность брачного поселения, на что впервые обратил внимание Н. Томас (N. W. Thomas, Kinship Organization and Group Marriage in Australia, Cambr., 1906, стр. 14 сл.).

<sup>15</sup> Шилов, ук. соч., стр. 430—432.

<sup>16</sup> Смирнов, ук. соч., стр. 201. Правда, в Скифии теперь известно около 15 женских погребений с оружием IV в. до н. э. Однако цифра слишком мала, чтобы делать далеко идущие выводы. По мнению В. А. Ильинской, здесь не исключено сарматское влияние — см. В. А. Ильинская, Скифские курганы около г. Борисполя, СА, 1966, № 3, стр. 169 сл.



обладающим видом оружия в этих погребениях являются стрелы; мечи и кинжалы встречаются реже, а копья — совсем редко. В полном соответствии с античной традицией сарматские воительницы предстают перед нами прежде всего как лучницы. В рукопашный бой они вступали редко, а участвовали в битвах в рядах легковооруженной конницы<sup>17</sup>, составлявшей в это время основную массу сарматского войска, и ее главным тактическим приемом были внезапная атака и быстрое отступление<sup>18</sup>.

Количество женских погребений с оружием значительно уменьшается в последние века до н. э., а начиная с I в. до н. э. они уже единичны и оружие в них имеет скорее символическое значение, чем реальное, обычно сводясь к нескольким наконечникам стрел. И все же старая традиция полностью еще не умерла. Отдельные воительницы, судя по археологическим материалам, были даже во II в. н. э.<sup>19</sup>, а по письменным источникам — еще позднее<sup>20</sup>.

Зафиксированные этнографией случаи более или менее активного участия женщин или незамужних девушек в военных действиях довольно редки. Тем более интересно, что общества, в которых они отмечены, как правило, были матрилинейными к моменту наблюдения или в недавнем прошлом и поэтому сохраняли многочисленные пережитки былой матрилинейности. Так, у ацина и чейенов — коневодов и конных охотников на бизонов североамериканских прерий — женщины нередко принимали участие в набеге, и такие воительницы воспевались, и прославлялись, и достигали высокого положения<sup>21</sup>.

2. Отправление сарматскими женщинами жреческих функций. Археологический материал не только подтверждает туманное сообщение Псевдо-Гиппократ, но значительно его дополняет и конкретизирует. Имеются в виду каменные столики или блюда — довольно распространенная находка в савроматских погребениях Приуралья. Все они найдены в женских погребениях. Их связь с культом, давно отмеченная рядом исследователей, несомненна уже потому, что такие блюда находят в погребениях вместе с реальгаром и мелом — непременными атрибутами сарматского религиозного ритуала. Кроме того, некоторые из них декорированы сакрально-магическим звериным стилем. Такие предметы служили переносными алтарями и жертвенниками, хорошо приспособленными к кочевому быту. Об этом, в частности, говорит их функциональное, а иногда и типологическое сходство с аналогичными жертвенниками, происходящими в первую очередь с Переднего Востока и из Ирана, к которым восходят многие типы сарматских алтарей<sup>22</sup>. Можно вполне согласиться с К. Ф. Смирновым<sup>23</sup>, что и у сарматов подобные алтари, по крайней мере отчасти, служили алтарями огня, культ которого, в сочетании с солнечным, был широко распространен среди ираноязычных кочевников евразийских степей, хотя, конечно, не в столь сложной и канонизированной форме, как у их оседлых сородичей в Иране. Нимфодор (фг. 14) прямо указывает на сарматов как на огнепоклонников.

Женские погребения с каменными алтарями у савроматов часто отмечены особенно пышным ритуалом и заметно выделяются своим богатством. В них находят золотые

<sup>17</sup> Тем самым подтверждается восходящее к понийским источникам сообщение Помпония Мелы (I, 19, 114).

<sup>18</sup> Подробнее об этом см. А. М. Хазанов, Очерки военного дела сарматов (в печати).

<sup>19</sup> К этому времени относится женское, по определению антрополога В. В. Гинзбурга, погребение из кургана № 34/1 Калиновского могильника, содержащее железный меч, колчан более чем с 60 железными наконечниками стрел и удила с псалиями, — Шиллов, Ук. соч., стр. 390.

<sup>20</sup> В SHA, Augel., 33 читаем, что даже в конце III в. на стороне готов против римлян сражались женщины, одетые в мужскую одежду. Вероятно, они были сарматками.

<sup>21</sup> R. F. I. a n n e r y, Individual variation in Culture, в кн. «Men and Cultures. Selected Papers of the Fifth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences», Philadelphia, 1960, стр. 90—91; Ю. П. Аверкиев, Индейское кочевое общество Северной Америки XVIII—XIX вв. (в печати). Пользуюсь случаем принести свою благодарность Ю. П. Аверкиевой, любезно разрешившей мне ознакомиться со своей работой в рукописи.

<sup>22</sup> Смирнов, ук. соч., стр. 166 сл.

<sup>23</sup> Там же, стр. 167, 252—256.



украшения, оружие и конскую сбрую, предметы, исполненные в зверином стиле, который в Скифии почти не встречался в женском обиходе, по крайней мере до тех пор, пока не выродился в чисто декоративный. Более того, некоторые из погребений явно сопровождались человеческими жертвоприношениями, в том числе всоруженных мужчин (из числа служителей или охраны жриц), подвергшихся насильственной смерти<sup>24</sup>. Впрочем, иногда подобные алтари встречаются и в рядовых женских погребениях, обнаруженных в небогатых, ничем не примечательных могильниках, свидетельствуя, что жрицы были и среди небогатых и незнатных групп сарматского общества.

Серьезные указания на то, что в савроматском обществе какие-либо важные религиозные функции принадлежали мужчинам, практически полностью отсутствуют. Конечно, это вовсе не означает, что так было на самом деле. Наши данные слишком неполны для подобного заключения, да и сравнительно-этнографический и исторический материал не позволяет его сделать. Но все же отправление женщинами столь важного культа, как культ огня (даже если оно было только частичным), само по себе весьма необычно (а универсальный характер алтарей говорит о том, что женщины отправляли и другие культы). Те же самые алтари, обслуживание которых в Иране было привилегией особой жреческой корпорации, исключительно мужской по составу<sup>25</sup>, у сарматов оказались в руках женщин-жриц.

Уже одно это является косвенным указанием на линейность счета родства и локальность брака в савроматском обществе. Дело в том, что в условиях патриархальной организации женщина, переходящая на местожительство в род к семье мужа, не могла играть важную роль в выполнении религиозных обрядов. От своих семейных и родовых культов она была отдалена хотя бы фактом проживания в семье мужа, от культов мужа — принадлежностью к иному роду. Все это вело к тому, что на практике женщина часто отстранялась от активной религиозной жизни. Так было и в тех редких случаях, когда она адоптировалась в род мужа. Иная картина наблюдается у савроматов. Мне не известны сколько-нибудь развитые патрилинейные общества, в которых отправление важных религиозных культов сосредоточивалось бы в женских руках<sup>26</sup>. Лишь у некоторых народов Сибири, особенно у чукчей, женщины отправляют семейные культы<sup>27</sup>. Но все они значительно отставали в своем развитии от сарматов. К тому же надо помнить, что у чукчей отсутствовала родовая организация.

Даже в развитых матрилинейных обществах Океании, Африки и Америки отправление культа в основном монополизировано мужчинами. Но здесь, естественно, чаще встречаются исключения. «Хранителями веры» у прокезов обычно были и мужчины и женщины, причем в равном числе<sup>28</sup>. У баконго жрицы пользовались правом освобождать от клятв и очищать от тяжелых грехов<sup>29</sup>. Важная роль женщин в отпадении культа отмечается для Микронезии<sup>30</sup>. Возможно, подобное отклонение имело место и в савроматском обществе. Впрочем, и в нем оно наблюдается сравнительно недолго, в

<sup>24</sup> Бис-Оба, курган № 7 (B. G r a k o v, Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenbourg, ESA, IV, 1929, стр. 169 сл.; Г р а к о в, Пережитки матриархата у сарматов, стр. 107); Тара-Бутак, курган № 2 (раскопки К. Ф. Смирнова 1957 г.).

<sup>25</sup> H e r o d., I, 132; см. также E. B e n v e n i s t e, The Persian Religion according to the Chief Greek Texts, P., 1929, стр. 60 сл.; И. М. Дьяконов, История Мидии, М.—Л., 1956, стр. 374 сл.

<sup>26</sup> Не составляют исключения и римские весталки, ибо, несмотря на весь почет и уважение, они все же никогда не занимали важного места в жреческой корпорации Рима. К тому же сам культ Весты иногда считается пережитком материнско-родовой эпохи (олицетворение огня в женском образе) — см. С. А. Токарев, Религия в истории народов мира, М., 1964, стр. 413.

<sup>27</sup> В. Г. Богораз, Чукчи, т. II, Л., 1939, стр. 61—64, 69; С. А. Токарев, Ранние формы религии, М., 1964, стр. 254—263.

<sup>28</sup> L. H. M o r g a n, Ancient Society, ed. by Leslie A. White, Cambr., Mass., 1964, стр. 76; A. G o l d e n w e i s e r, Early Civilization, L., 1922, стр. 80.

<sup>29</sup> J. v a n W i n g, Etudes Bakongo. Sociologie, Religion et Magie, Louvain — Bruxelles, 1959, стр. 105 сл.; Б. И. Шаревская, Старые и новые религии Тропической и Южной Африки, М., 1964, стр. 86.

<sup>30</sup> «Народы Австралии и Океании», М., 1956, стр. 740, 745.



основном в VI—IV вв. до н. э. К III в. до н. э. каменные алтари выходят из употребления<sup>31</sup>. Хотя бы отчасти их заменяют теперь глиняные курильницы-плошки, известные и в предшествующее время (но не игравшие тогда ведущей роли в культовых обрядах). Однако подобные курильницы встречаются уже не только в женских, но и в мужских погребениях, хотя в женских все-таки чаще.

3. Участие сарматских женщин в общественной жизни и их высокое положение в обществе. Подробное перечисление женских сарматских погребений, выделяющихся своим богатством и особой пышностью погребального обряда, проделанное в работах Б. Н. Гракова и К. Ф. Смирнова, избавляет меня от необходимости вновь обращаться к этому материалу. К тому же наличие таких погребений само по себе еще мало о чем говорит. Погребения знатных женщин нередко выделялись своей роскошью и богатством и в сугубо патриархальных обществах. Гораздо важнее другие обстоятельства, сопутствующие подобным погребениям у сарматов.

Во-первых, это человеческие жертвоприношения, безусловно сопровождающие некоторые женские савроматские и прохоровские погребения, и притом не только жреческие<sup>32</sup>. Для патриархальных обществ это явление малохарактерное, особенно если жертвы — мужчины. Но главное, что с женщинами погребены не мужчины-рабы, а свободные члены общества, о чем ясно говорит сохранившееся при них оружие. А вот это уже совсем плохо совмещается с патриархально-родовыми представлениями. Интересно также, что в савроматское время дети хоронились только с женщинами — достоверные случаи совместных погребений мужчины и ребенка неизвестны. Это опять-таки соответствует матрилинейному принципу организации общества, по которому дети принадлежат матери, ее семье и роду, но отнюдь не отцу.

Во-вторых, и это главное, в савроматскую, а отчасти и в прохоровскую эпоху женские погребения значительно чаще, чем мужские, занимают центральное место в курганах, а курганы, содержащие центральное женское погребение, — в курганных группах. Независимо от того, признаем ли мы савроматские и прохоровские погребения в курганах и небольших курганных группах большесемейными или родовыми — а здесь вряд ли может быть однозначное решение, — остается фактом, что они группируются вокруг женского предка. Между ними может быть довольно значительный хронологический разрыв. Группа курганов прохоровского времени в урочище «Горбатый мост» у пос. Нежинского (раскопки Б. Н. Гракова 1928 г.) сосредоточена вокруг курганного погребения жрицы, относящегося к VI в. до н. э. Разрыв, таким образом, более чем в два века. Однако родственная группа, хоронившая своих членов в урочище, продолжала рассматривать погребенную ранее женщину как своего предка, реального или легендарного.

Расположение курганов и погребений вокруг центрального женского нуждается в истолковании. Вряд ли можно говорить о наличии культа женских предков — данные этнографии свидетельствуют, что и в чисто матрилинейных обществах он встречается только как крайне редкое исключение. Скорее всего подобная топография могильников вызывалась сохранением материнского счета родства, а возможно, и слабым развитием патрилокальных форм брачного поселения. Родственные коллективы — большие семьи или мелкие родовые подразделения (линиджи), сохраняющие определенное экономическое и идеологическое единство и строящиеся по матрилинейному принципу, — чаще всего хоронили своих членов поблизости друг от друга, будь то в одном кургане или в курганной группе. При этом в топографии могильников соответственным образом находил отражение тот самый матрилинейный принцип, который составлял

<sup>31</sup> В то время как к савроматскому времени относятся 45 каменных алтарей и жертвенников, к прохоровскому, и только к его началу, — лишь несколько.

<sup>32</sup> В качестве таковых — два воина, лежавшие в углу женского погребения в кургане A12 Блюменфельдского могильника (с. Цветочное), вооруженные акинаками, копьями, колчанами со стрелами, с удилами в ногах (B. G r a k o v, *Monuments de la culture scythique entre la Volga et les monts Oural*, ESA, III, 1928, стр. 28—30) или мужчина с мечом, лежавший во входной яме погребения молодой девушки в кургане № III/14 у с. Харьковки (раскопки П. С. Рыкова и Б. Н. Гракова 1926 г.) и некоторые другие.



структурную основу этих коллективов: могилы располагались вокруг или рядом с погребением старейшего женского члена коллектива или его женского предка, надо думать, в большинстве случаев реального, так как подобные могильники численно невелики, а хронологический разрыв между отдельными погребениями редко бывает значительным. Следует отметить, что подобный принцип захоронений, хотя и преобладающий в савроматское и раннепрохоровское время, все же не был единственным. Известны случаи, когда центральное место в курганах и курганных группах занимает мужское погребение. Это позволяет лучше понять сущность сарматской матрилинейности, к попытке истолкования которой я вскоре перейду. Следует также отметить, что расположение погребений вокруг центрального женского характерно только для савроматского и раннепрохоровского времени. В III—II вв. до н. э. эта особенность сарматских могильников становится малозаметной и постепенно исчезает.

Остается подвести итоги. Письменные источники и археологические материалы, если их брать в совокупности, в полном согласии друг с другом подтверждают высокое положение женщин в сарматском обществе и активное участие их в общественной жизни. По сравнению с аналогичными обществами кочевников, хотя бы скифским или гуннским, различия здесь не только количественные, но и качественные. Можно ли при таких обстоятельствах говорить о матрилинейности сарматов? Важным обстоятельством, очевидно, является топография сарматских могильников, ясно указывающая на материнский счет родства и тем самым расшифровывающая намеки, содержащиеся в переданной Геродотом (IV, 110—116) легенде о происхождении савроматов.

Имеются еще два вопроса, решающих для проблемы сарматской матрилинейности, — о ее сущности и о причинах, обусловивших ее столь необычно длительное для кочевников переживание. Тут также не обойтись без привлечения данных этнографии. Эти данные свидетельствуют, что в любом позднематеринском обществе имеются патриархальные элементы и поэтому, строго говоря, такие общества являются переходными. Однако их называют позднематеринскими ввиду сохраняющейся матрилинейности. Савроматское общество, если оно было матрилинейным, могло быть только позднематеринским, потому что оно уже вступило в эпоху развитого классового общества. Поэтому и в нем реальная власть должна была принадлежать мужчинам. Но статус женщин в савроматском обществе, очевидно, был очень высоким, и они принимали участие в общественной жизни, что в несколько преувеличенном виде и донесла до нас античная традиция.

Трудно сказать что-либо определенное о формах семьи и брака в савроматском обществе, о порядке наследования имущества и социального статуса. В позднематеринских обществах они могут быть самыми различными и довольно сильно варьировать даже в данном конкретном обществе. Имеются только отдельные намеки. В счете родства у савроматов явно сохранился матрилинейный принцип. Однако о локальности брачного поселения и формах большесемейных коллективов этого с уверенностью уже не скажешь. Правда, согласно Геродоту, скифские юноши уходят на жительство к амазонкам — явный намек на матрилокальный характер брачного поселения. При этом они забирают с собой часть имущества, что можно истолковать как наличие обычая брачных подарков — явление, отмеченное в тех позднематеринских обществах, в которых наблюдается развитие движимой собственности. Последнее не могло не иметь места в скотоводческом сарматском обществе. Но это скорее всего относится ко времени формирования савроматской культуры. Факт существования могильников, в некоторых случаях почти безусловно семейных, группирующихся вокруг центрального мужского погребения, должен указывать на то, что параллельно с существованием больших материнских семей уже зарождались и постепенно крепили отцовские<sup>33</sup>.

Очень жаль, что центральные погребения богатых семейных курганов типа Покровки или Пятимары разграблены, так что трудно определить пол погребенного. Если в дальнейшем окажется, что в подобных курганах и курганных группах цент-

<sup>33</sup> Впрочем, теоретически они могли быть и авункулатными, возглавлявшимися дядей, братом матери.



ральные погребения принадлежат мужчинам — а это довольно вероятно — и притом не в порядке исключения, а в большинстве случаев, это послужит указанием на то, что переход к патрилокальности и патрилинейности совершался раньше всего в богатых и знатных семьях — обычное явление в позднематеринских обществах.

На известную распространенность патрилокальных форм брака и на развитие определенных патриархальных тенденций может указывать наличие парных погребений с погребенными в одной могиле мужчиной и женщиной, но, разумеется, только в том случае, когда есть основания полагать, что погребенная — жена, а не рабыня. Возможно, в дальнейшем удастся также с достоверностью установить наличие у савроматов мужских погребений с насильственно умерщвленной рабыней-наложницей. Тогда можно будет говорить об известной распространенности полигинии, вполне совместимой с позднематеринским родом и весьма распространенной в матрилинейных обществах Океании, Африки и отчасти Америки.

Все те своеобразные черты сарматского общества, которые позволяют говорить об его матрилинейности, прослеживаются наиболее ярко в савроматское время. В начале прохоровского времени (IV—III вв. до н. э.) они еще достаточно отчетливы, но к концу его затухают. Явно завершается переход к патриархально-родовым отношениям. Если учесть, что все прохоровское время обнимает не более двух с половиной столетий (с конца IV по II в. до н. э. включительно), становится очевидным, что столь кардинальные изменения в форме социальной организации у сарматов вряд ли произошли за этот сравнительно короткий отрезок времени. Конечно, они начались значительно раньше. Поэтому как бы ни отличалось положение сарматских женщин от скифских и как бы ни поражало оно воображение греческих наблюдателей, материнский род, безусловно еще существовавший у савроматов, находился уже не в расцвете, а в состоянии упадка и постепенного исчезновения.

Очевидно, многие формы социальной организации сарматов в VI—IV вв. до н. э. весьма походили на аналогичные у туарегов — кочевников Сахары, до самого недавнего времени стойко сохранявших, а кое-где сохраняющих до сих пор матрилинейность и другие особенности, присущие позднематеринским обществам<sup>34</sup>. У туарегов счет родства велся по обеим линиям — и материнской, и отцовской. Однако главное значение имел материнский счет родства, так как дети могли принадлежать только роду матери. Социальный статус и общественные права в основном наследовались по материнской линии, собственность, приобретенная личными усилиями, — по отцовской. Локальность брачного поселения не была постоянной. Обычно сперва она была патрилокальной — брачная пара селилась у отца жены, затем патрилокальной — брачная пара переселялась на жительство к отцу мужа, а после его смерти авункулокальной — следовало новое переселение супругов к брату матери мужа. Но в случае смерти мужа его вдова с детьми возвращалась в свою родную семью, к родителям или братьям.

Таким образом, у туарегов отмечается сложное переплетение отживающих позднематеринских и развивающихся патриархальных элементов. Любопытно, что соотношение их у туарегов варьирует от племени к племени.

Нечто похожее могло наблюдаться и у савроматов. И если когда-нибудь удастся с достаточной точностью выделить археологические памятники, принадлежащие отдельным сарматским племенам и племенным группам, а также соотношение в них местных и пришлых элементов, это, возможно, прольет дополнительный свет на сущность сарматской матрилинейности и ее исторические судьбы.

Труднее всего определить причины, вызвавшие сохранение материнского счета родства у сарматов, тем более, что по существу не выяснены причины, по которым в некоторых сравнительно высокоразвитых обществах не произошел переход к патриар-

<sup>34</sup> H. Duveyrier, *Les Touareg du Nord*, P., 1864; H. Bissuel, *Les Touareg de l'Ouest*, Alger, 1888; H. Lhote, *Les Touareg du Hoggar (Ahaggar)*, P., 1955; C. Blanguernon, *Le Hoggar*, P., 1955; L. C. Briggs, *Tribes of the Sahara*, Cambr., 1960; J. Nicolaisen, *Ecology and Culture of the Pastoral Touareg*, København, 1963; А. И. Першиц, Общественный строй туарегов Сахары в XIX в., в сб. «Разложение родового строя и формирование классового общества», М., 1968.



Даже скотоводство, в том числе кочевое, в отдельных, хотя и очень редких случаях оказывается вполне совместимым с материнским счетом родства. Помню туарегов в качестве примера можно привести беджа — скотоводческое племя, живущее в пустыне между Египтом и Красным морем и известное из древнеегипетских источников с 2700 г. до н. э. Несмотря на несколько тысячелетий кочевого образа жизни у беджа патриархальные отношения окончательно установились только после принятия ислама между 1150 и 1300 гг., а пережитки былой матрилинейности прослеживаются даже в новое время <sup>36</sup>.

Очевидно, в матрилинейных обществах действовал ряд факторов, второстепенных или несущественных с точки зрения общего процесса исторического развития, но в конкретной ситуации благоприятствовавших сохранению матрилинейности. В качестве одного из таких факторов можно отметить наблюдающиеся иногда особенности полового разделения труда: отрыв мужчин от своих хозяйственных коллективов, и в результате — выполнение женщинами определенных организаторских функций. В числе других факторов необходимо учитывать силу традиции, историческое прошлое, этническую историю, внешнее окружение и т. д.

В этой связи интересно одно из существующих объяснений бытования позднематеринско-родовых отношений у туарегов. Согласно этому объяснению, матрилинейность не была естественным продуктом развития кочевого общества, а сложилась у оседлых предков туарегов и сохранилась у их перешедших к номадизму потомков в условиях изоляции и стремления избежать смешения с окружающими племенами<sup>38</sup>.

Не исключено, что матрилинейность была присуща и предкам сарматов, оседлым скотоводам-земледельцам эпохи бронзы. Правда, считается, что в бронзовом веке у населения степной части СССР устанавливаются патриархальные отношения, и глав-

<sup>35</sup> Различные попытки истолкования этого явления см. у В. И. Равдоникаса, История первобытного общества, ч. II, Л., 1947, стр. 68, 101; М. О. Косвен, Переход от матриархата к патриархату, ТИЭ, нов. сер., т. XIV, М., 1951, стр. 94; он же, О периодизации первобытной истории, стр. 155; «Возникновение и развитие о н ж е, О периодизации первобытной истории, стр. 155; «Возникновение и развитие земледелия», М., 1967, стр. 31; Першиц, Монгайт, Алексеев, ук. соч., стр. 170; J. Lippert, The Evolution of Culture, N. Y., 1931, стр. 237; R. H. Lowie, Primitive Society, N. Y., 1920; стр. 160; R. C. Thurnwald, Die menschliche Gesellschaft in ihren ethnosoziologischen Grundlagen, II, B.—Lpz., 1932, стр. 193—194; G. P. Murdock, Social Structure, N. Y., 1949, стр. 204 сл.; Matrilineal Kinship, ed. by D. M. Schneider and K. Gough, Berkeley and Los Angeles, 1961, стр. 658 сл.

<sup>36</sup> A. Paul, A History of the Beja Tribes of the Sudan, Cambr., 1954, стр. 79; G. P. Murdock, Africa, Its Peoples and Their Culture History, N. Y., 1959, стр. 316—317; «Арабские источники VII—X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары», М.—Л., 1960, стр. 29, 352 сл.

<sup>36</sup> A. Paul, A History of the Beja Tribes of the Sudan, Cambridge, 1934, стр. 78; G. P. Murdock, Africa, Its Peoples and Their Culture History, N. Y., 1959, стр. 316—317; «Арабские источники VII—X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары», М.—Л., 1960, стр. 29, 352 сл.

<sup>37</sup> J. Irle, Die Herero, Gütersloh, 1906; K. Schloßer, Die Herero in Britisch-Betschuanaland-Protektorat, ZE, 1955, 80, стр. 200—258; G. D. Gibson, Double Descent and Its Correlates among the Herero of Ngamiland, AA, 1956, 58, стр. 109—139; Murdock, ук. соч., стр. 372 сл.

<sup>38</sup> J. Irle, Die Herero, Gütersloh, 1906, стр. 354 сл.

<sup>38</sup> M u r d o c k, ук. соч., стр. 408; П е р ш и ц, ук. соч., стр. 354 сл.



ным аргументом здесь служит наличие парных погребений<sup>39</sup>. Однако вполне возможно, что некоторые группы населения сохраняли материнский счет родства. Ведь из этнографии хорошо известны случаи длительного многовекового соседства находящихся приблизительно на одном уровне развития патрилинейных народов с матрилинейными.

Б. Н. Граков объяснял сохранение материнского рода у савроматов их большей отсталостью по сравнению со скифами и изолированностью в отдаленных и труднодоступных степях<sup>40</sup>. Первое объяснение вряд ли приемлемо. Оно основано на старых представлениях о матриархате и не учитывает того, что позднематеринский род является формой развития, параллельной с патриархальным. К тому же савроматы хотя и отставали от скифов, но не настолько, чтобы можно было говорить о двух качественно различных ступенях развития и этим объяснять их матрилинейность. Зато во втором объяснении, предложенном Б. Н. Граковым, есть определенный резон. Условия относительной изоляции действительно могли консервировать старые формы социальной организации, несмотря на то, что постепенно они наполнялись новым содержанием. И, может быть, не случайно матрилинейная организация у сарматов исчезает именно тогда, когда они вступают в тесные и перманентные связи с патрилинейными народами.

А. М. Хазанов

## THE MATRILINEAL CLAN AMONG THE SARMATIANS

by A. M. Khazanov

The problem of Sarmatian «matriarchy» is still subject to debate largely because the views of modern ethnographers and historians of primitive-communal society are not sufficiently taken into account. It is now generally admitted that the patriarchal and late matrilineal clans are parallel forms marking the break-up of primitive-communal relations. Therefore to grant the existence of late matrilineal-clan features among the Sarmatians is not to «archaise» their society, but only to recognise the peculiar path of its evolution. The written sources and the archaeological evidence unanimously attest (1) the participation of Sauromatian women in warfare; (2) the performance by them of priestly functions; (3) their active participation in public life; the tracing of kinship through the maternal line. They also suggest the possible existence of matrilocal forms of marriage habitation. All these features are not characteristic of patriarchal societies but are attested for late matrilineal social organisation. The ethnographic evidence shows that in certain very rare cases cattle-breeding, including nomadic, appears side by side with the recognition of matrilineal kinship. Therefore the operation of the matrilineal principle should be admitted also for the Sarmatians in the Sauromatian stage of their evolution. At this stage, however, the matrilineal clan was in a state of gradual decline and disintegration. In the last centuries B. C. patriarchal relations took precedence in Sarmatian society. The roots of matriliney should evidently be traced to the already settled Bronze Age ancestors of these Sarmatians. The relative isolation in which Sarmatian society existed in the earliest stages of its evolution would tend to conserve the matrilineal kinship principle.

<sup>39</sup> См. М. И. Артамонов, Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками, ПИДО, 1934, № 7—8; А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, МИА, № 43, 1955, стр. 204—205; М. А. Итин, К вопросу об отражении общественного строя в погребальных обрядах первобытных народов, СЭ, 1954, № 3; В. С. Сорокин, Новые археологические данные к вопросу о развитии древней семьи, СА, 1959, № 4.

<sup>40</sup> Граков, ук. соч., стр. 119.



## О СОСТАВЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ КОРПОРАЦИЙ, СВЯЗАННЫХ СО СЛУЖБАМИ АННОНЫ В ОСТИИ (II в. н. э.)

В последние два десятилетия античная Остия стала привлекать к себе особенно пристальное внимание исследователей. Вслед за археологическими и эпиграфическими публикациями<sup>1</sup> появилось немало работ, посвященных различным вопросам истории, экономики, религии, архитектуры, топографии крупнейшего римского порта<sup>2</sup>. В этих трудах рассматриваются и различные аспекты социальной истории Остии<sup>3</sup>. Так, в последнем обстоятельном исследовании по истории Остии — книге Р. Мейгса — немало места уделено проблемам эволюции господствующих классов в Остии<sup>4</sup>, организации коллегий<sup>5</sup>, социальной типологии<sup>6</sup> и т. п. Но поскольку вопросы эти не были предметом специального исследования, ряд существенных аспектов их, особенно связанных с корпорациями, в книге не рассматриваются. Полагая вслед за Гальца и другими авторами, что «политическая и социальная жизнь Остии сосредоточивалась в действительности в коллегиях и что люди, которые работали в доках и на складах, в торговле и в ремесле, не были глубоко связаны с местной политикой»<sup>7</sup>, Мейгс не останавливается, например, на вопросе о связи корпораций с муниципальной и государственной властью, не исследует состав плебса корпораций и т. д. Между тем подобные вопросы позволяют выяснить социально-политическое положение профессиональных корпораций и их роль в жизни и развитии портового города раннеимператорской эпохи.

В конце I в., после завершения строительства гавани Траяном, Остия стала центром функционирования императорских служб анноны<sup>8</sup> и превратилась в важнейшую мировую гавань Рима<sup>9</sup>. Естественно, что и коллегии, связанные со службами анноны, должны были пользоваться наибольшим влиянием и весом. От их деятельности и состава во многом зависел не только характер экономической жизни Остии, но и характер эволюции муниципии, теснейшим образом связанного с экономикой Рима и императорскими службами. Среди многочисленных профессий, связанных со службами анноны в Остии, ведущее место принадлежало судовладельцам, измерителям зерна и лодочникам, поэтому здесь и будут рассматриваться главным образом эти корпорации.

Известно, что большую часть судовладельцев, находящихся в Остии, составляли иноземцы. Об этом в первую очередь свидетельствуют мозаичные картины и надписи

<sup>1</sup> Обзор археологических открытий в Остии с 1949 по 1957 г.: В. А n d r e a, *Archäologische Funde und Grabungen im Bereich der Soprintendenzen von Rom 1949—1956/57*, «Archäologischer Anzeiger», 1957, 1/4, стб. 277—296. О последних раскопках порта см. О. T e s t a g u z z a, *The Port of Rome*, «Archaeology», 17, 1964, № 3, стр. 173—179. Из новейших публикаций в области эпиграфики и археологии самые значительные III и IV тома «Scavi di Ostia»: v. III; M. F. S q u a r c i a p i n o, *Le necropoli*, Roma, 1958; v. IV; G. B e c a t t i, *Mosaici e pavimenti marmorei*, Roma, 1961.

<sup>2</sup> G. G a l z a, G. B e c a t t i, *Ostia*, Roma, 1954; H. S c h a a l, *Ostia der Welthafen Roms*, Bremen, 1957; R. G a l z a, E. N a s h, *Ostia*, Firenze, 1959; R. M e i g g s, *Roman Ostia*, Oxf., 1960. Обзор исследований и открытий в области топографии, архитектуры, религии Остии с 1957 по 1962 г.: T. H a c k e n s, N. D a c o s, *Ostie — Découvertes et recherches récentes (1957—1962)*, «L'Antiquité Classique», 1962, XXXI, 1—2, стр. 303—320.

<sup>3</sup> Первые и пока единственные специальные работы, посвященные социальным проблемам Остии, появились в 30-х годах: T e n n e y F r a n k, *The People of Ostia*, «The Classical Journal», April, 1934, стр. 481—493; F. H. W i l s o n, *Studies in the Social and Economic History of Ostia*, «Papers of the British School at Rome», XIII, L., 1935, стр. 41—68 (нам недоступно) и XIV, L., 1938, стр. 152—162.

<sup>4</sup> M e i g g s, ук. соч., стр. 185—235.

<sup>5</sup> Там же, стр. 311—337.

<sup>6</sup> Там же, стр. 214—235.

<sup>7</sup> См. G a l z a, B e c a t t i, ук. соч., стр. 16, 17; M e i g g s, ук. соч., стр. 311.

<sup>8</sup> G a l z a, B e c a t t i, ук. соч., стр. 16.

<sup>9</sup> S c h a a l, ук. соч., стр. 15, 49.